

DOI 10.15826/izv2.2023.25.1.010
УДК 82-941 + 398.222 + 27-9 + 273 +
+ 316.722 + 7.038.6

О. Ю. Анцыферова
*Санкт-Петербургский
государственный университет*
Санкт-Петербург, Россия

ДУАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО МИФА ФИЛИПОМ ПУЛМАНОМ

На примере книги Ф. Пулмана «Добрый человек Иисус и негодник Христос» (2010), созданной в рамках издательского проекта «Миф», изучается корреляция мифа и литературы, специфичная для словесности XXI в. и опосредованная влиянием постмодернизма и массовой культуры. Созданная Пулманом книга рассматривается как пример использования мифа в интересах полемики автора с влиятельными идейными веяниями современности (ср. «Пенелопиада» М. Этвуд — полемика с феминизмом). Книга, вкуче с авторскими эссе, прочитывается не только как образец апокрифической литературы, столь характерной для писателей XX в. при обращении к теме христианства, но и как документ магистральной идейной установки творчества Пулмана — его антиклерикализма и атеизма. Яростный полемический запал, граничащий с богохульством, находит свое рельефное выражение в приеме персонажной редупликации (личность Иисуса Христа расщепляется надвое). Цель статьи — исследовать мировоззренческие и социокультурные корни этого приема, степень его интеллектуально-художественной оригинальности, его индивидуально-авторские предпосылки. Работа Пулмана с каноническими и неканоническими евангелиями приводит британского писателя к проблематизации их жанровой природы и нарративной структуры, ономастический статистический анализ заставляет его выстроить художественную гипотезу о возможной редупликации исторического персонажа и создать таким образом контрафактуальную ситуацию, с помощью которой он не только подвергает сомнению религиозные догмы, но и делает каждого из своих читателей ответственным за тот облик, который приняла история богочеловека. Используя методологию историко-литературного, сравнительно-типологического, нарратологического и интермедиального анализа, автор статьи приходит к выводу, что дуализм образа Иисуса Христа может корениться в проблемности его антропонима, а также несомненно связан с состоянием постмодернистского научного знания, с расшатыванием религиозных догм в условиях интеллектуального и этического плюрализма, с влиянием на Пулмана идей гностицизма, с воздействием массовой культуры (кино, комиксы).

К л ю ч е в ы е с л о в а: Филип Пулман; миф; критика христианства; художественная редупликация; апокрифы; гностицизм; массовая культура; постмодернизм

Ц и т и р о в а н и е: *Анцыферова О. Ю.* Дуалистическое переосмысление христианского мифа Филипом Пулманом // Известия Уральского федерального

университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 1. С. 151–165. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.010>

Поступила в редакцию: 25.09.2022

Принята к печати: 29.12.2022

Olga Yu. Antsyferova

St Petersburg State University

St Petersburg, Russia

DUALISTIC RETHINKING OF THE CHRISTIAN MYTH BY PHILIP PULLMAN

Referring to a part of the Canongate project *Myth*, Ph. Pullman's book *The Good Man Jesus and the Scoundrel Christ* (2010), this article examines the correlation of myth and literature, specific to twenty-first-century culture, mediated by the influence of postmodernism and mass culture. Pullman's book is considered within a more general framework of using myth as a tool of the author's polemic with the influential ideological trends of our time (cf. *The Penelopiad* by M. Atwood and her polemic with feminism). Together with the author's essays, the novel is not only perceived as an instance of apocryphal literature, so characteristic of twentieth-century authors when referring to Christianity, but also as a document of the main ideological stance — Pullman's anticlericalism and atheism. The ardent polemic message, bordering on blasphemy, finds its most original expression in the character reduplication (the person of Jesus Christ is split in two). This article aims to explore the ideological and socio-cultural roots of this device, the degree of its intellectual and artistic originality, its individual author's premises. Pullman's work with canonical and non-canonical gospels leads him to problematise their fictionality, genre nature, and narrative structure. Onomastic statistical analysis leads the writer to put forward an artistic hypothesis about the possible reduplication of a historical character, thus modelling a counterfactual situation, by means of which not only does he question religious dogma, but also makes each of his readers feel responsible for the shape that the history of the God-man has assumed. Using the methodology of historical-literary, comparative-typological, narratological and intermedial analysis, the author of the article concludes that the dualism of the image of Jesus Christ can be traced to the problematic nature of his anthroponym, and is undoubtedly associated with the state of postmodern knowledge, with the erosion of religious dogmas within intellectual and ethical pluralism, as well as with the influence of Gnosticism and mass culture (films, comics).

Key words: Philip Pullman; myth; criticism of Christianity; artistic reduplication; apocrypha; Gnosticism; popular culture; postmodernism

For citation: Antsyferova, O. Yu. (2023). Dualisticheskoe pereosmyslenie khristianskogo mifa Philipom Pullmanom [Dualistic Rethinking of the Christian Myth by Philip Pullman]. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(1), 151–165. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.010>

Submitted: 25.09.2022

Accepted: 29.12.2022

Один из самых популярных современных британских авторов, работающих в жанре фэнтези, Филип Пулман (род. 1946) известен как ярый атеист: идеи богоборчества вдохновляли трилогию «Темные начала», содержащую резкую критику институализированной религии в лице Магистериума и изображающую «Ветхого днями» Властителя в образе немощного старца. Характерным образом атеизм компенсируется у Пулмана верой в духоподъемный смысл и воспитательное значение занимательных историй. В одном из интервью он разъяснял: «Мы все нуждаемся в каком-то мифе, в каком-то всеобъемлющем нарративе, из которого мы могли бы почерпнуть важнейшие жизненные ориентиры. Столетиями эту потребность на Западе удовлетворяло христианство. Но сейчас оно или уже умерло или же находится на издыхании» [Miller]. Пулман воспринимает христианство как «мощное заблуждение, власти которого сложно противиться» и утверждает, что «любая монотеистическая религия заканчивается преследованием людей и убийством непокорных <...> Я не исповедую никакой религии; я не верю, что где-то может быть бог; у меня большие сложности с пониманием таких слов как “духовный” или “духовность”. Но мне есть что сказать о нравственном воспитании, и мне кажется, это имеет непосредственное отношение к тому, как мы понимаем истории» [Ibid.]. Религия, по мнению Пулмана, вредна прежде всего тем, что лишает повествования (включая библейские) многосмысленности.

В 2010 г. по заказу издательства «Canongate» для проекта «Миф» он пишет книгу «Добрый человек Иисус и негодник Христос» (*The Good Man Jesus and the Scoundrel Christ*), где уже безо всяких опосредований высказывает свои взгляды на генезис и развитие христианства и роль церкви в этом процессе. В отличие от некоторых других авторов-участников проекта, обратившихся к древней мифологии (среди них Дж. Уинтерсон, Али Смит, В. Пелевин, М. Этвуд, А. С. Байетт), Пулман обращается к легендарному нарративу, чей мифологический статус можно считать проблематичным, имея в виду, что тридцать три процента человечества исповедует христианство — крупнейшую религию мира. Можно предположить, что Пулман, откликаясь на приглашение к участию в проекте «Миф», понимал под этим словом не «древнее сказание о богах и героях» и не «модус синкретического мировоззрения». Скорее, он оперирует бартовским (вообще — структуралистским) пониманием мифа как знака, которым можно обозначить все что угодно и который является мощным инструментом идеологии.

В романе Пулмана личность Иисуса Христа расщеплена надвое: у Иисуса, чье поведение и нравственные убеждения более или менее близки каноническим, есть брат-близнец Христос, который тайно фиксирует в своих записях деяния Иисуса, сохраняя их для вечности. Неоднозначность фигуры Христа подчеркивается не только сложностью его отношений с братом, его постоянной внутренней полемикой с ним, но и тем, к примеру, что в «евангелии от Пулмана» именно Христос выполняет роль Иуды — выдает Иисуса властям, а в главе «Искушение Иисуса в пустыне» главным искушителем Иисуса становится не ожидаемый инфернальный персонаж, а именно Христос.

Пулман сознательно эпатирует верующих, сопоставляя слова Христос и негодник в заглавии (*Scoundrel Christ*). Во время презентации своей книги в Оксфорде он достаточно безапелляционно заявлял: «Я знал, что это шокирует, но ни у кого нет права прожить жизнь, не испытав шока. Никто не обязан читать эту книгу... И ни у кого нет права запрещать мне писать эту книгу» [Collett-White].

В книге Пулмана Христос, мечтающий об «организации, которая воплотит в себе царство Божье на земле» [Пулман, 2011б, с. 102], вдохновляем таинственным Незнакомцем, который убеждает Христа:

Случается, что люди превратно истолковывают слова популярного оратора. Для простецов все утверждения должно отредактировать, скрытые смыслы — прояснить, темные места — растолковать. Я хочу, чтобы ты продолжал свое дело. Подробно записывай все, что говорит твой брат, а я буду время от времени забирать твои отчеты, чтобы мы могли начать работу над интерпретацией текста [Там же, с. 73].

Природа и происхождение Незнакомца остаются в повести неназванными; Христос, отмечая его инаковость, попеременно считает его то членом Синедриона, то язычником-эллином. После того, как всякий раз неожиданно предстающий перед Христом Незнакомец является в ослепительно белых одеждах, тот начинает звать его Ангелом.

Какова бы ни была метафизическая природа Незнакомца, он несомненно намеревается использовать нового проповедника Иисуса в своих целях — для того, чтобы подчинить новую религию некоему мощному институту — церкви. На мой взгляд, Пулман достаточно прозрачно прописывает своего таинственного персонажа по ведомству дьявольских сил: на вопрос Христа об их с Незнакомцем возможных соратниках в деле «перекраивания истории» для возвеличивания имени Иисуса, Незнакомец отвечает «Имя им Легион» [Там же, с. 145], что несомненно перекликается с эпизодом из Евангелия от Марка, где Иисус Христос изгоняет бесов из человека, одержимого нечистым духом. Сам Пулман в своем эссе-комментарии к роману пишет: «Незнакомец... придерживается той позиции, которую бы выражала Церковь, будь она единой и обладай голосом. Если время от времени начинает казаться, что он рассуждает как дьявол, я тут ни причем» [Пулман, 2011а, с. 494].

Вдохновляемый Незнакомцем «негодник Христос» искренне увлечен процессом манипулирования идеями своего брата Иисуса, хотя и сознает, что тем самым подрывает их глубинный смысл. Повесть завершается следующим пролептическим высказыванием Христа:

Мне не терпится приступить к рассказу об Иисусе, и не только ради того, чтобы увековечить случившееся; я хочу поиграть с рассказом, придать ему наилучшую форму, хочу увязать детали воедино, создавая узоры и выявляя соответствия, а если в жизни этих подробностей не было, я хочу вложить их в повесть — только того ради, чтобы повесть улучшить. Незнакомец сказал бы, что тем самым я впускаю в историю — истину. Для Иисуса это означало — лгать. Иисус стремился к совершенству:

он требовал от людей слишком многого... В том-то и трагедия: без повести бы не было церкви, а без церкви об Иисусе позабыли бы [Пулман, 2011б, с. 246–247].

Писатель признавался, что ему более симпатичен Иисус, чем Христос, но с последним у них есть одно несомненное общее — тяга к рассказыванию историй, и добавлял: «Разница между Иисусом и Христом в моей истории в том, что Иисус был на самом деле, а Христос — фикция» [Collett-White]. В то же время не Христос, а именно Иисус выражает позицию автора в главе «Иисус в Гефсиманском саду»:

Может, прав был мой брат, когда говорил о великой организации, об этой его церкви, которая послужит проводником Царства на земле? Нет, он заблуждался, он заблуждался! <...> Дьявол станет радостно потирать руки. Как только люди, полагающие, что они исполняют Господню волю, дорвутся до власти... дьявол овладеет ими. Очень скоро они примутся составлять списки наказаний за разные невинные занятия, и приговаривать людей к порке или побиванию людей камнями во имя Господа — за то, что не то едят, не ту одежду носят и не в то верят... [Пулман, 2011б, с. 197].

Думается, глубоко справедливо наблюдение рецензента «Guardian» Шарлот Хиггинс, которая, отталкиваясь от слов Пулмана о том, что его книга — это рассказ о том, как «истории становятся историями», заключает: «В известном смысле, в его книге фигура Христа ассоциируется с идеей автора — это мучимый сомнениями персонаж, находящийся на периферии собственного повествования, который ведет запись событий, обрабатывая и редактируя их, трансформируя их в нарративы» [Higgins].

Вообще говоря, апокрифическая тема весьма популярна в литературе XX в. Здесь можно вспомнить и «Мастера и Маргариту» (1940) М. М. Булгакова, и «Три версии предательства Иуды» (*Tres versiones de Judas*, 1944) Хорхе Луиса Борхеса, и «Се человек» (*Behold the Man*, 1966) Майкла Муркока, и «Евангелие от Иисуса» (*O Evangelho segundo Jesus Cristo*, 1991) Нобелевского лауреата Жозе Сарамыго, и «Агнец. Евангелие от Шмяка, друга детства Иисуса Христа» (*The Gospel According to Biff, Christ's Childhood Pal*, 2000) Кристофера Мура, и «Мой старший брат Иешуа» (2009) Андрея Лазарчука.

На фоне этих текстов апокрифический опус Пулмана выделяется дерзким использованием персонажной редупликации. Соответственно, возможные источники этого структурообразующего мотива представляют особый интерес и станут предметом моих дальнейших размышлений. Среди немногочисленных исследований, посвященных этой книге, данной проблемы касается, к примеру, Дэвид Лоутон, британский медиевист, литературовед и религиовед. Он рассматривает книгу Филипа Пулмана в ряду достаточно многочисленных в последние десятилетия словесных и визуальных артефактов, целью создания которых было намеренное оскорбление чувств верующих, когда художник-иконокласт принадлежит к тому же самому религиозному сообществу, на непререкаемый авторитет религии которого он покушается (кстати, я бы говорила не столько о намеренном оскорблении, сколько о своеобразном *остранении*, не эстетическом,

но идеологическом). По наблюдениям Лоутона, самыми популярными и действенными стратегиями художников и мыслителей в этом случае являются «оспаривание канонического Евангелия или переписывание его с позиций квиркультуры» [Lawton, p. 108–109]. В расщеплении божественного персонажа на две половины Пулман, по мнению Д. Лоутона, далеко не новатор. В этом же ряду он предлагает рассматривать двух Моисеев из поздней работы Зигмунда Фрейда «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939) или «Сатанинские стихи» Салмана Рушди, который превращает Мохаммеда в Моханунда. «Во всех трех случаях мы ощущаем несомненное эстетическое наслаждение, которое доставляет автору перверсия канонического текста Писания» [Ibid., p. 109]. Ученый сравнивает это «незаконное присвоение» канонического материала с дадаизмом и с усами, нарисованными сюрреалистами на портрете Моны Лизы.

На мой взгляд, предлагаемые Лоутоном аналогии с Фрейдом и Рушди не вполне тождественны транстекстуальному механизму расщепления / удвоения персонажа, который работает у Пулмана. Так, у Фрейда Моисей «раздваивается», когда ученый выдвигает гипотезу о том, что ветхозаветный пророк был не иудеем, а знатным египтянином. Пытаясь нащупать связь между атонизмом Эхнатона и Моисеем, Фрейд приводит собственную версию событий, описанных в библейском «Исходе».

После падения популярности фараона и его религии египтянин Моисей, желая сохранить свою веру в единого бога Солнца — Атона, а также свое привилегированное положение, становится вождем живущего на окраине Египта племени рабов-семитов и обращает его в атонизм, введя при этом и принятый у свободных граждан Египта обряд обрезания. Затем, благодаря периоду безвластия в стране, он осуществляет беспрепятственный исход евреев с территории Египта. Чтобы примирить ряд противоречий, обнаруживающихся в тексте Ветхого Завета при выдвижении своей гипотезы, Фрейд предполагает, что библейская фигура Моисея стала результатом синтеза двух исторических прототипов: «Он слился с персоной более позднего основателя религии, зятя мадианитянского священника Иофора (Исх. 18, 1), которому подарил свое имя — Моисей. Об этом другом Моисее, однако, мы не можем сказать ничего конкретного, настолько он заслонен первым, египетским Моисеем». Ветхозаветный Моисей «часто описывается как властный, гневливый, даже жестокий, и вместе с тем о нем же говорится, что он был смиреннейшим и терпеливейшим из всех смертных. Ясно, что эти последние свойства мало подходили бы египтянину Моисею, вознамерившемуся совершить со своим народом столь великое и трудное дело; возможно, они принадлежали другому деятелю, мадианитянину <...> В целях сплавления этих двух персонажей на долю предания или сказания выпала задача отправить египетского Моисея в Мадиам» [Фрейд].

Думается, в тексте Пулмана работают несколько другие механизмы, нежели чисто научное по истокам стремление Фрейда создать внутренне непротиворечивый историко-религиозный нарратив. В своем эссе 2011 г. «История о добром человеке Иисусе и негоднике Христе. Ответ озадаченным читателям»

Пулман пишет: «Я подумал, что было бы интересно перечитать евангелия еще раз и посмотреть, сумею ли я пересказать старую, всем известную историю под другим углом» [Пулман, 2011а, с. 487]. Для этого он перечитал все три имеющихся английских перевода Библии и проштудировал, наряду с четырьмя каноническими Евангелиями, многочисленные апокрифы, включая «Гностические евангелия», найденные в 1945 г. в Наг-Хаммади (Египет).

Неканонический подход к каноническим Евангелиям проявляется и в том, что Пулман рассматривает их с точки зрения их жанровой природы. Это не биографии, так как слишком многое остается за скобками: евангелисты сосредотачиваются на последних двух годах деятельности Христа. Это и не романы: здесь нет психологизма, внимания к эмоциональной жизни, описания внешности, пейзажей. Евангелические нарративы, кроме того, несомненно содержат художественный вымысел: без него невозможно было бы описание сцен, когда Иисус изображается без свидетелей, в одиночестве (сцены в пустыне и в Гефсиманском саду). Лаконичностью и повышенным вниманием к развитию событий Евангелия напоминают народные сказки и баллады, но у них совершенно особая прагматика: «они рассказывают нам, во что мы должны верить» [Пулман, 2011а, с. 490]. Сам Пулман признает, что он верит только в то, «что в начале нашей эры в стране, которая позже стала называться Палестиной, жил человек по имени Иисус» [Там же] — необыкновенно пронизательный и мощный духовный учитель, замечательный рассказчик и гениальный афорист.

Выходя за рамки писательской саморефлексии и привлекая релевантные социокультурные обстоятельства, интермедиальные контексты и историко-религиозные семиотические коды, хотелось бы начать с того, что корень расщепления Иисуса Христа на две личности можно искать уже в проблемности его антропонима. С. С. Аверинцев указывает на глубинную экзистенциальную двойственность фигуры богочеловека, отраженную в его имени: Иисус Христос сочетает в себе всю полноту божественной природы как «бог-сын» (второе лицо Троицы), «не имеющий начала дней», — и всю конкретность конечной человеческой природы — как иудей, выступивший с проповедью в Галилее и распятый около 30 г. н. э. на кресте. «Иисус» — греческая передача еврейского личного имени Иешу (означающего «спаситель»). Христос — перевод на греческий слова «мессия» [Аверинцев, с. 235].

Пулман иначе постулирует эту изначальную двойственность: «У меня сложилось впечатление, что Иисус и Христос — это не одно и то же. Был человек по имени Иисус, о котором повествуют Евангелия, а был некто иной — Христос, то есть Мессия, который фигурирует главным образом в Деяниях апостолов» [Пулман, 2011а, с. 493]. Писатель подсчитал, что в посланиях Павла термин «Христос» встречается около ста пятидесяти раз, а имя «Иисус» — всего около тридцати. «Со времени распятия прошло уже целое поколение, и человек начал уступать место мифу» [Там же], — констатирует Пулман, и это становится исходным пунктом его авторской трактовки христианского нарратива: проблемы и противоречия в евангелиях можно попробовать объяснить тем, «что

Иисус разрабатывал свое учение на ходу, непосредственно в процессе проповеди, но рядом с ним звучал некий второй голос, «поправлявший» его слова, чтобы придать им больше связности». Это дает возможность «представить себе, что в евангелиях на самом деле два главных героя: человек (и не более чем человек) по имени Иисус и некий вымышленный Христос» [Пулман, 2011а, с. 493]. Можно сказать, что, с точки зрения Пулмана, имена Иисус и Христос находятся в отношении дополнительной дистрибуции: «Если мы хотим понимать историю христианства достаточно ясно, следует различать, о каком из двух этих персонажей идет речь в каждом конкретном случае. Например, говорить “Иисус родился в Вифлееме”, а не “Христос родился в Вифлееме”; или “Христос был Сыном Божиим”, а не “Иисус был Сыном Божиим”» [Там же, с. 498].

Далее будут представлены мои собственные гипотезы персонажной редупликации, которой подвергается у Пулмана образ Иисуса Христа.

Первая из них связана с состоянием исторического знания в постмодернистскую эпоху. Еще в 1959 г. Джеймс М. Робинсон в своей книге «Новые поиски исторического Иисуса Христа» указывал на то, что для науки XIX в. понятия «исторического Иисуса» и «Иисуса из Назарета, который жил в Палестине I в., в общем и целом совпадали. Говорить об «Иисусе из Назарета» значило обсуждать его биографию, реконструированную методом объективной исторической науки [Robinson, p. 28]. Однако, более поздняя историческая наука, особенно основанная на постмодернистской эпистемологии, стала гораздо более осторожна в своих выводах и хорошо отдает себе отчет в разнице между историей, «какой она воссоздается историками», и тем, что было на самом деле. Соответственно, очень влиятельной в библеистике XX в. стала тенденция, о которой пишет современный теолог Роберт Ярбро — проводить резкое разграничение между *history* и *salvation-history*: первая основана на материалистическом мировоззрении, вторая допускает сверхъестественные обоснования. Эти различия естественным образом «поколебали восприятие евангелий как источников надежного исторического знания» [Yarbrough, p. 341].

Неудивительно, что при таком положении дел один из современных обзоров научной литературы, посвященной исследованиям исторической фигуры Иисуса Христа, заканчивается следующим выводом: «Мало кто из изучающих тексты евангелий сомневается в значимости разговора об историческом Иисусе Христе, однако сама по себе христология переживает сейчас период идейного разброда из-за огромного количества версий и из-за невозможности, опираясь на имеющиеся методологии, остановиться на одном из имеющихся портретов исторического Иисуса. Среди фактов об Иисусе практически нет ни одного, который бы не оспаривался тем или иным ученым» [Paynter].

Вторая гипотеза связана с возможными религиозными предпосылками рассматриваемой редупликации, а именно с влиянием гностицизма.

Пулман безусловно знаком с изданными Элейн Пейджелс «Гностическими евангелиями» (1979), которые ввели в широкий читательский обиход тексты, найденные в Наг-Хаммади (Египет) в 1945 г. В эссе «Как сочинить историю»,

написанном на основе лекции, прочитанной в Оксфорде в 2002 г., т. е. за восемь лет до создания анализируемой книги, Пулман отмечает своеобразную интеллектуальную моду на идеи гностицизма, которая охватила все страты современной культуры, и обнаруживает ее и у «высоколобого» Харолда Блума в его книге «Знаки нового тысячелетия», и в популярном сериале «Секретные материалы», и в кинематографическом блокбастере «Матрица». В основе всех этих художественных и теоретических высказываний лежит исходный тезис о том, что «весь этот мир, мир, который можно увидеть и потрогать... — лишь иллюзия и фальшивка, огромный заговор с целью поработить нас и держать в невежестве» [Пулман, 2011а, с. 66]. Он напоминает: «Изначальный гностический миф повествует о том, как некий лже-творец Демииург создал наш материальный мир, чтобы заточить в нем искры истинной божественности, отпавшие от настоящего Бога — невообразимо далекого от нас истинного Бога» [Там же, с. 65]. И признается, что мощь гностического мифа, в высшей степени соответствующего состоянию заброшенности и отчужденности современного человека в неудобном мире «кажимостей» — симулякров, поработает и самого писателя. Он попадает в интеллектуальный плен, где «только и мог ползать мышью по дому чужого интеллекта» [Там же, с. 67]. Из этого тупика ему помогает выбраться Уильям Блейк с его кредо: «Я должен сотворить систему, чтобы не стать рабом чужих систем»¹ [Там же, с. 68]. Думается, гностические представления о двойственной, антагонистической природе высшего начала могли повлиять на направление мысли Пулмана в осмыслении фигуры Иисуса Христа.

Еще одно, и, быть может, самое существенное воздействие, которое испытал Пулман в поисках своего подхода к фигуре Христа, это влияние массовой культуры. Оно, возможно, не осознается им самим, но, как известно, любой текст содержит не только смыслы, запрограммированные автором, но и неявные смыслы культуры, возникающие в процессе интерпретации текста помимо авторской воли. «Изучение “источников” и “влияний” покрывает лишь ту — весьма незначительную — часть текста, где сам автор еще не вполне утратил сознательную связь с культурным контекстом, между тем как на деле всякий текст сплетен из необозримого числа культурных кодов, в существовании которых автор, как правило, не отдает себе ни малейшего отчета, которые впитаны его текстом совершенно бессознательно» [Косиков, с. 39].

Редупликация персонажей, связанная подчас с их трансфигурационностью, — довольно частое явление в массовой культуре. Как один из примеров вспомним неожиданное типологическое сходство — расщепление надвое персонажа Остапа Бендера в последней экранизации легендарных романов И. Ильфа и Е. Петрова «Бендер: начало», «Бендер: золото империи», «Бендер: последняя афера» (2021) режиссера Игоря Зайцева и сценариста Олега Маловичко. Вместо Остапа Бендера в этой киноверсии мы встречаем Ибрагима

¹ Строка из поэмы Уильяма Блейка «Иерусалим», перевод Дм. Смирнова-Садовского.

Бендера (С. Безруков) и Осю Задунайского (А. Вардеванян), причем Ибрагим, как постепенно выяснится, — это предполагаемый отец Оси.

Пролиферация или, как частный случай, удвоение персонажей связано с таким значимым понятием теории фикциональности как «трансфикциональность», которая определяется как миграция различных элементов нарративных миров (герои, символы или сюжетные структуры) из одного вымышленного текста в другой [Saint-Gelais; Ryan]. Причем эта миграция может быть вызвана разными причинами и реализовываться в разных медиумах. К примеру, это явление в высшей степени характерно для комиксов.

Известен, например, такой факт. В 1960-е гг. комикс пережил влияние культуры андеграунда, что было связано с ответной реакцией авторов комиксов на появление организации, регулирующей содержание комиксов (ССА — Comics Code Authority). Появились альтернативные комиксы, чьими основными темами стали наркотики, психоделия, сексуальные табу, сатира на государство и церковь. Со временем рамки дозволенного стерлись, и в погоне за прибылью издательства вновь стали обращаться к теме насилия; более того, ранее конкурировавшие между собой издательства начали покупать друг у друга права на публикацию историй о наиболее популярных героях. Это впоследствии привело к появлению в комиксе такого явления, как «альтернативный мир», или «параллельный мир» — мир, где история, нарисованная в комиксах с определенного момента пошла иначе. Авторы комиксов экспериментируют с известными сюжетами, меняя в них героев, по-новому объединяя персонажей, ранее никак друг с другом не связанных. Наиболее примечательной особенностью «альтернативного мира» является то, что в нем герой может встретиться со своим двойником, который может вести другой образ жизни, придерживаться иной линии поведения.

Финская исследовательница комиксов Карин Кукконен, автор учебника «Введение в изучение комиксов и графических романов» (2013), в разделе, посвященном эволюции образов супергероев, отмечает, что при создании комиксов обычной практикой является обращение разных авторов к одним и тем же персонажам, которые, соответственно, кочуют из комикса в комикс. В результате перехода привычных серий о супергероях из рук в руки, новые авторы придумывают для поступков супергероя новые мотивировки, которые бы больше сочетались с сюжетикой и прагматикой их обновленных нарративов. В ходе этого появлялись разные версии одного и того же персонажа, подобно старому и новому ночному Филину в графическом романе «Хранители». Комиксы, подобные «Кризису на бесконечных землях» (1985), строились на допущении, что в различных альтернативных реальностях, объединяемых в так называемый мультиверсум, обитают различные версии супергероев. «Кризисы» перезапускают историю вселенной DC и отменяют мультиверсум, погибающий в результате столкновения этих альтернативных миров. С тех пор, однако, альтернативные реальности вновь расцвели пышным цветом и мультиверсум обрел свежую актуальность. В графическом романе «Хранители» взаимодействуют разные поколения героев комиксов: оптимистичные герои Золотого века встречают

более циничных и противоречивых героев Серебряного века, и мы становимся свидетелями встреч разных версий одного и того же персонажа: так, встречаются два ночных Филина [Kukkonen, p. 109].

Еще одна параллель, возникающая у критиков в связи с пулмановской трактовкой образа Иисуса Христа, относится к не менее популярному и массовому виду искусства — к кинематографу 1970-х гг. Речь идет о фильме «Житие Брайена по Монти Пайтону» (1979) [Hitchens]. В скандальной фарсовой киноверсии евангелий главным героем становится полуеврей-полуримлянин Брайан Коуэн, рожденный в один день и по соседству с Иисусом, впоследствии, по воле трагикомических обстоятельств, принятый за мессию и распятый под веселую песенку на кресте рядом с другими неунывающими преступниками. Обвиненный в богохульстве и ереси, фильм имел громкий успех и стал четвертым по прибыльности в кинопрокате 1979 г. и самым успешным британским фильмом того же года в США. Ряд журналов объявили этот фильм величайшей кинокомедией всех времен. По результатам опросов, строчка, адресованная матерью Брайана Мэнди фанатеющей толпе поклонников ее сына, “He’s not the Messiah, he’s a very naughty boy!” («Он не мессия, он просто неслух»), была сочтена самой смешной в истории кинематографа [Womack].

Итак, в фильме 1979 г. зрители тоже имеют дело с некой проекцией Иисуса Христа. Идея «второго Христа», по воспоминаниям участников групп «Монти Пайтон», пришла в следующих обстоятельствах. Вначале они планировали создать пародию на фигуру Иисуса. Однако, по некотором размышлении, хотя ни один из них не был верующим, они сочли, что Иисус был «бесспорно славным малым» и в его проповедях нет ничего достойного осмеяния. Придумав своему герою имя Брайан, они сначала планировали сделать из него что-то вроде тринадцатого апостола. Постепенно, однако, было решено, что героем станет совершенно посторонний делу христианства человек, рожденный в одно время и в одном месте с Христом и принятый, вопреки его воле, за мессию.

Своеобразное раздвоение Иисуса Христа в фильме, таким образом, имеет сходные корни с Пулманом: «“Монти Пайтоны” были единодушны в том, что они не собираются покушаться на веру (символом которой в их фильме был ИХ, пребывающий правда, в ранге эпизодического персонажа): когда настоящий ИХ появляется в фильме с Нагорной проповедью, он изображается без издевки, а музыка и свет настраивают зрителя на серьезный лад и создают ауру искреннего почтения... В своих комментариях к фильму Пайтоны утверждают, что целью осмеяния для них в фильме была совсем не вера, но современные практики организованной религии» [Wilmot, p. 247–250].

Английский религиовед и культуролог Джеймс Кроссли в 2011 г. писал, что те, кто видит в Брайане и Иисусе Христе не два отдельных характера, но две ипостаси одного образа, по-своему правы: «Брайан действительно в известной степени представляет Иисуса. “Житие Брайана” находится в интертекстуальном диалоге не только с евангелиями, но и с целым корпусом весьма противоречивых и неортодоксальных христологических теорий, толкующих о мессианской

тайне, еврейском происхождении Иисуса, о революционном пафосе его учения и «непорочном зачатии» матерью-одиночкой». Таким образом, авторы фильма, по мнению Дж. Кроссли, конструируют своеобразное двойничество Иисуса и Брайана, чтобы противопоставить образ традиционного Христа, каким его создает вера и киноверсии Евангелий, — и реально-исторического Христа как предмет научной полемики, в ходе которой выявляются черты, приписанные Христу его учениками и последователями [Crossley], т. е. в сущности «Монти Пайтоны» предвосхищают в комическом духе то, что сделает Пулман в своей книге для проекта «Миф». Хотя Пулман, насколько мне известно, нигде не упоминает фильм «Житие Брайана», трудно предположить, что громкий успех этого фильма прошел мимо тридцатитрехлетнего начинающего автора.

Итак, Пулман предлагает свою альтернативную трактовку истории об Иисусе Христе, суть которой можно разыграть только если вместо одного протагониста появятся два. Читатель также втягивается в конструирование альтернативных вариантов истории / мифа. Свое эссе — «ответ озадаченным читателям» — Пулман заканчивает очередным контрафактуальным построением, которое функционирует как прямое обращение к читателю. Он моделирует следующую ситуацию: как если бы Иерусалим на Страстной неделе в преддверии гибели Христа посетили гости из будущего — все эти сиятельные столпы церкви, папы, кардиналы, архиепископы и т. д. И «каждый из этих призраков мог бы, если бы только захотел, обнять и поцеловать Иисуса»... и этот поцелуй перенес бы Иисуса чудесным образом в безопасное место и тем самым спас бы ему жизнь. «Иисус избежал бы ужасной смерти на кресте. Он бы остался жить. Он канул бы в неизвестность; или продолжил бы свою проповедь...» [Пулман, 2011б, с. 499]. Каждый из призраков может сделать шаг, протянуть руки и спасти его от смерти, до которой остается несколько часов. Но у каждого находится причина этого не делать, и эти причины Пулман инсценирует в виде реплик возможных спасителей: «Он сам это предсказал...». — «Я не имею права вмешиваться...» — «Изменится весь ход человеческой истории!.. Я не могу принять на себя такую ответственность» — «Но как же все мое величие и богатство? Великолепие моего собора? Чудесная музыка, которую исполняют в хоре?..» — «Без этой смерти не будет Церкви, а без Церкви некому будет утешить умирающего ребенка, с которым я говорил в хосписе...» [Там же, с. 500]. У каждого находится причина не спасти.

В финале эссе писатель обращается напрямую к читателю:

Мне бы хотелось предложить этот мысленный эксперимент каждому христианину: если бы вы могли вернуться в прошлое и спасти этого человека от страшной смерти на кресте, как бы вы поступили? И если вы скажете: «Пусть он умрет, лишь бы Церковь жила», — то чем вы отличаетесь от Иуды? [Там же, с. 501].

Таким образом, вовлекая читателя в построение альтернативной модели земной жизни Иисуса Христа, Филип Пулман не только проблематизирует историческую правду, но и делает каждого из своих читателей ответственным за тот облик, который приняла история богочеловека / палестинского пророка / мессии.

Источники

Пулман Ф. Голоса деймонов : сборник эссе / сост. С. Мейсон ; пер. А. Блейз и А. Осипова. М. : АСТ, 2011а.

Пулман Ф. Добрый человек Иисус и негодник Христос / пер. С. Лихачевой. М. : Эксмо, 2011б.

Исследования

Аверинцев С. С. Иисус Христос // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М. : Советская энциклопедия, 1991. С. 235–238.

Косиков Г. К. Ролан Барт — семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. С. 3–45.

Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия / пер. В. В. Библихина // Фрейд З. Психопанализ. Религия. Культура. М. : Ренессанс, 1992. С. 136–256. Проект «Весь Фрейд» Московского института психоанализа. URL: <https://freudproject.ru/?p=7485> (дата обращения: 21.06.2022).

Collett-White M. Pullman Risks Christian Anger with Jesus Novel // Reuters. March 28, 2010. URL: <https://www.reuters.com/article/us-pullman-christianity-idUSTRE62R1L120100328> (date of access: 20.06.2022)

Crossley J. Life of Brian or Life of Jesus? Uses of Critical Biblical Scholarship and Non-orthodox Views of Jesus in Monty Python's "Life of Brian" // Relegere Studies in Religion and Reception. January 2011. No 1(1). P. 93–114.

Higgins Ch. Philip Pullman creates a darker Christ in new assault on the church. Author gives Jesus a manipulative twin brother in new book taking on the Gospels directly // The Guardian. Friday, 26 March, 2010. URL: <https://www.theguardian.com/books/2010/mar/26/philip-pullman-jesus-gospels> (date of access: 20.06.2022).

Hitchens Ch. "In the Name of the Father, the Sons..." // The New York Times. 9 July 2010. URL: <https://www.nytimes.com/2010/07/11/books/review/Hitchens-t.html> (date of access: 20.06.2022).

Kukkonen K. Studying Comics and Graphic Novels. Wiley : John Wiley & Sons, Ltd, 2013.

Lawton D. Defaced: The Art of Blaspheming Texts and Images in the West // Profane: Sacrilegious Expression in a Multicultural Age / ed. by Ch. S. Grenda, Ch. Beneke, & D. Nash. Univ. of California Press, 2014. P. 82–115.

Miller L. Far from Narnia. Philip Pullman secular fantasy for children // New Yorker. No 81. Vol. 42. December 18, 2005. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2005/12/26/far-from-narnia> (date of access: 20.06.2022).

Paynter S. The Quest(s) for the Historical Jesus: A Review from the Evangelical Prospective. URL: https://www.researchgate.net/publication/302904950_The_Quests_for_the_Historical_Jesus_A_Review_from_an_Evangelical_Perspective?enrichId=rgreq-ac3825dcab0bbb3ba85547a7cd37b875-XXX&enrichSource=Y292ZXJQYWdlOzMwMjkwNDk1MDtBUzozNjA0OTAxMTYxMDgyOTNAMTYQ2Mjk1ODk0OTc3NQ%3D%3D&el=1_x_3&_esc=publicationCoverPdf (date of access: 20.06.2022).

Robinson J. M. A New Quest of the Historical Jesus. London : SCM Press, 1959.

Ryan M.-L. Fiction // The International Encyclopedia of Communication. Vol. 4. Oxford, UK Malden, MA : Wiley-Blackwell. 2008. P. 1808–1812.

Saint-Gelais R. Transfictionality // The Routledge Encyclopedia of Narrative Theory. London : Routledge, 2005. P. 612–613.

Wilmut R. From Fringe to Flying Circus. London : Eyre Methuen Ltd, 1980.

Womack S. "Life of Brian" wins the vote for film's best laughter line // Daily Telegraph. 19 February 2002.

Yarbrough R. W. Paul and Salvation History // Justification and Variegated Nomism: A Fresh Appraisal of Paul and Second Temple Judaism : in 2 vols. / ed. by D. A. Carson, P. T. O'Brien, M. A. Seifrid. Grand Rapids (Michigan) : Baker Academic, 2001. Vol. 2 : The Paradoxes of Paul. P. 297–342.

References

Averintsev, S. S. (1991). Iisus Khristos [Jesus Christ]. In E. Meletinsky (Ed.), *Mifologicheskii slovar'* [Mythological Dictionary] (pp. 235–238). Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.

Collett-White, M. (2010, March 28). Pullman Risks Christian Anger with Jesus Novel. In *Reuters*. Retrieved from <https://www.reuters.com/article/us-pullman-christianity-idUSTRE62R1L120100328>

Crossley, J. (2011). Life of Brian or Life of Jesus? Uses of Critical Biblical Scholarship and Non-Orthodox Views of Jesus in Monty Python's "Life of Brian". *Relegere Studies in Religion and Reception*, 1(1), 93–114.

Freud, S. (1992). Chelovek Moisei i monoteisticheskaia religiia [Moses and Monotheism] (V. Bibikhin, Trans.). In S. Freud, *Psikhoanaliz. Religiia. Kul'tura* [Psychoanalysis. Religion. Culture] (pp. 136–256). Moscow: Renaissance. Retrieved from <https://freudproject.ru/?p=7485>

Higgins, Ch. (2010, March 26). Philip Pullman Creates a Darker Christ in New Assault on the Church. Author Gives Jesus a Manipulative Twin Brother in New Book Taking on the Gospels Directly. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/books/2010/mar/26/philip-pullman-jesus-gospels>

Hitchens, Ch. (2010, July 9). "In the Name of the Father, the Sons...". *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2010/07/11/books/review/Hitchens-t.html>

Kosikov, G. K. (1989). Rolan Bart – semiolog, literaturoved [Roland Barthes as a Semiologist and a Literary Scholar]. In R. Barthes, *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics] (pp. 3–45). Moscow: Progress.

Kukkonen, K. (2013). *Studying Comics and Graphic Novels*. Wiley: John Wiley & Sons, Ltd.

Lawton, D. (2014). Defaced: The Art of Blaspheming Texts and Images in the West. In Ch. S. Grenda, Ch. Beneke, & D. Nash, (Eds.), *Profane: Sacrilegious Expression in a Multicultural Age* (pp. 82–115). University of California Press.

Miller, L. (2005, December 18). Far from Narnia. Philip Pullman's Secular Fantasy for Children. *New Yorker*, 42(81). Retrieved from <https://www.newyorker.com/magazine/2005/12/26/far-from-narnia>

Paynter, S. (2015). *The Quest(s) for the Historical Jesus: A Review from the Evangelical Perspective*. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/302904950_The_Quests_for_the_Historical_Jesus_A_Review_from_an_Evangelical_Perspective?enrichId=rgreq-ac3825dcab0bbb3ba85547a7cd37b875-XXX&enrichSource=Y292ZXJQYWdlOzMwMjkwNDk1MEdtBUzozNjA0OTAxMTYxMDgyOTNAMTQ2Mjk1ODk0OTc3NQ%3D%3D&el=1_x_3&_esc=publicationCoverPdf

Robinson, J. M. (1959). *A New Quest of the Historical Jesus*. London: SCM Press.

Ryan, M.-L. (2008). Fiction. In *The International Encyclopedia of Communication* (Vol. 4, pp. 1808–1812). Oxford, UK Malden, MA: Wiley-Blackwell.

Saint-Gelais, R. (2005). Transfictionality. In *The Routledge Encyclopedia of Narrative Theory* (pp. 612–613). London: Routledge.

Wilmot, R. (1980). *From Fringe to Flying Circus*. London: Eyre Methuen Ltd.

Womack, S. (2002, 19 February). Life of Brian Wins the Vote for Film's Best Laughter Line. *Daily Telegraph*.

Yarbrough, R. W. (2001). Paul and Salvation History. In D. A. Carson, P. T. O'Brien, & M. A. Seifrid (Eds.), *Justification and Variegated Nomism: A Fresh Appraisal of Paul and Second Temple Judaism* (Vol. 2: *The Paradoxes of Paul*, pp. 297–342). Grand Rapids (Michigan): Baker Academic.

Анцыферова Ольга Юрьевна

доктор филологических наук, профессор,
доцент кафедры истории зарубежных
литератур

Санкт-Петербургский государственный
университет

199034, Санкт-Петербург, В. О.,

Университетская наб., 11

E-mail: o.antsyferova@spbu.ru ;

olga_antsyf@mail.ru

Antsyferova, Olga Yuryevna

Dr. Hab. (Philology), Full Professor,
Associate Professor

Department of the History of Foreign
Literatures

St Petersburg State University

11, University Emb., 199034 St Petersburg,

Russia

Email: o.antsyferova@spbu.ru ;

olga_antsyf@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1219-0134>

WoS ResearcherID: U-2528-2017